

©1999 г.

Б.В. ДЖОНСТОН

**ПИТИРИМ СОРОКИН И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ТЕНДЕНЦИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ**

БАРРИ В. ДЖОНСТОН - профессор отделения социологии университета Индиана Нордвест США.

Питирим Сорокин - одна из наиболее эрудированных, стимулирующих и противоречивых личностей в истории социологии. Его труды открыли новые области исследования, расширили традиционные интересы социологии и вступали в схватку с фундаментальными вопросами жизни. За время своей карьеры Сорокин внес существенный вклад в аграрную социологию, социологию социальной мобильности, войны и революции, альтруизма, социальных перемен, социологию знания и теоретическую социологию. Во многих из этих областей его труды определяли уровень науки своего времени.

Поразительно поэтому, что Уильям Колб начал в 1951 г. рецензию на книгу Сорокина "Социально-философские теории в век кризиса" таким "пробным" вопросом о судьбе великого русско-американского социолога:

"Кто читает Сорокина? Каким бы ни был ответ, в целом социологов нельзя включать в число его читателей. Конечно, "Социальная мобильность" и "Современные социологические теории" часто цитируются и используются социологами в преподавании и исследованиях. Но "Динамика", связанные с ней работы, ...потеряны, забыты социологами. Их больше даже не критикуют, а просто игнорируют" [1, р. 267-268].

48 лет спустя можно вновь спросить, зачем читать Сорокина? Для многих социологов его имя связано со спорами и с недобрыми воспоминаниями. Другие видят в нем пионера новых областей исследования, пробуждавшего научные споры и сражавшегося с фундаментальными проблемами жизни. Но кем был Сорокин и в чем сегодня его значение для социологии? Удивительно, как много задающих такие вопросы об одном из основателей и старейшем деятеле этой дисциплины. Поэтому нужны известные комментарии по поводу этого человека и его карьеры. Ибо сейчас можно утверждать, что это одна из самых дальновидных и критических личностей в анналах нашей науки. За шесть десятилетий он опубликовал 37 книг (переведенных более чем на 42 языка) и свыше 400 статей. Дон Мартиндэйл [2, р. 5] признавал, что благодаря этому Сорокин наиболее плодovit из всех социологов. Но секрет интереса к Сорокину не в количестве, а в ценности его публикаций.

Сорокин был пионером и изгоем. Его жизнь началась в 1889 г. в стране коми, которая граничит с Финляндией. Он вырос, овладев языками коми, русским и финским. У народа коми высок уровень грамотности, он хорошо известен вкладом в искусство, точные и гуманитарные науки. Этот народ свободо- и трудолюбив, глубоко религиозен. Эти черты сформировали характер Сорокина. Ему рано пришлось узнать самостоятельность. Мать умерла, когда ему было три года, а в 11 он и его старший брат ушли от отца в отхожий промысел.

Легко видеть в ранней жизни Питирима бедность, трудности и одиночество. Но далеко не только это было в ней. Земля коми велика и прекрасна. Народ жил в единстве с природой. От своего дяди-шамана он узнал лес, животных и растения. Большую часть жизни в это время он провел под открытым небом, передвигаясь в поисках работы. Фольклор коми изобилует духами, повелителями животных, ветров и леса. Его знание природы, леса, лесных тварей было пронизано необыкновенной языческой мифологией, глубоко прочувствованной во время ночевки у костра, отгонявшего ночные стужу и страхи. Эти переживания сформировали веру юноши в природу и сверхъестественное.

Русское православие тоже стало важным элементом его характера. Учение церкви смешалось с языческой мифологией и сформировало эстетические чувства и духовность Сорокина. Православные обряды пробудили глубокое проникновение в эмоциональную и социальную силу ритуала. Весь его опыт объединил духов природы с духами божества и святыми, образуя чувствительность к жизни, выходящую за пределы человеческих чувств. Сорокин испытал на себе узы, соединяющие мистическое с материальным и делающие жизнь единой. Религия, образование и традиции коми, переплетаясь, формировали личность юноши, а позднее вели его научное творчество к интегрализму.

Сорокин активно участвовал в политической деятельности против самодержавия. В 17 лет он оказался в тюрьме. Его еще два раза сажали в тюрьму за антиправительственные действия. Этот период совпадает с научной работой в Психоневрологическом институте и С.-Петербургском университете. Окончив университет в 1915 г. со степенью магистра уголовного права, он продолжал работать над докторской диссертацией по социологии.

Сорокин высоко поднялся в политике, после падения царизма был вторым лицом в недолгом правительстве Керенского. После его свержения большевиками, Сорокину выпали еще три тюремных срока. Во время последнего заключения Ленин приказал его расстрелять, но вмешательство видных политиков вынудило Ленина помиловать

его. В сентябре 1922 г. Сорокин с женой Еленой были добровольно отправлены в Чехословакию. Из Праги по приглашению Эдварда Хейеса и Э.А. Росса он в 1923 г. приехал в США для чтения лекций о русской революции [3, р. 135-150]. Прибыв в Вассар, он занялся английским языком, затем объехал друзей в штатах Среднего Запада, читая лекции и подыскивая работу. Благодаря Россу и Ф.С. Шэпину он получил работу в университете штата Миннесота. Проработав там 6 лет, он опубликовал шесть книг: "Страницы русского дневника" (1924), "Социология революции" (1925), "Социальная мобильность" (1927), "Современные социологические теории" (1928), "Принципы сельской и городской социологии" (с Карлом Циммерманом, 1929) и первые три тома "Систематической хрестоматии по сельской социологии" (с Карлом Циммерманом и Ч. Гэлпиным, 1929). Отклики на первые две книги создали ему репутацию ученого противоречивого, но такого, которого нельзя игнорировать. Следующие работы по социальной мобильности, сельской социологии и социологической теории определяли в то время уровень этих отраслей и создали Сорокину репутацию крупной фигуры американской социологии.

Эти книги сформировали важную ступень интеллектуального развития Сорокина. В них он настаивал, что эмпирическая социология - единственная парадигма этой дисциплины, и мощно демонстрировал ее силу в "Социальной мобильности" и трудах по сельской социологии. Благодаря достоинствам его трудов президент Гарвардского университета Эбботт Лоуренс Лоуэлл пригласил Сорокина в 1930 г. стать первым руководителем создаваемого отделения социологии. Лоуэлл искал ученого, который вывел бы Гарвард на ведущую позицию в весьма активной тогда социологии. В Сорокине, как ему казалось, он нашел такого ученого.

Первые годы работы в Гарварде совпали с крупной теоретической подвижкой в социологии Сорокина. Неумолимый новатор, он выдвинул новую Интегральную теорию истории в четырехтомном *Magnum opus* (лат. - главный труд, - прим. переводчика) "Социальная и культурная динамика" (1937-1941). Здесь исследован огромный диапазон человеческих деяний и обрисован выходящий на поверхность кризис модерна. Позднее в Гарвардском исследовательском центре креативного альтруизма он проанализирует этот кризис и создаст план социального возрождения. Эти интересы, в сочетании с пророческим и воинствующим стилем полемики, вывели его на периферию дисциплины, жадно стремившейся стать точной наукой. Но как пионер он шел своим курсом, трудился на дальних рубежах социологии и в итоге "попал в ссылку". Однако в 1960-е годы некоторые из его классических трудов переиздавались. Появились два сборника статей, посвященные ему [4]. Это качнуло маятник молчания в обратном направлении. Но лучшее было впереди! В апреле 1963 г. впервые в истории американской социологии все участники съезда сообщества социологов США выразили ему свое признание, внося имя Сорокина, не включенного в бюллетени, и избрав его президентом Американской социологической ассоциации [5]. Он умер в 1968 г. в почете реализовавшим себя ученым.

Неувядаемую ценность трудов Сорокина выразили в 1969 г. социологи-диссиденты, носившие значки с надписью "Сорокин жив!" на съезде Американской социологической ассоциации. Они считали изучение Сорокиным кризисов провидением, затронувшим сущность общества, которому они бросали вызов. Для них Сорокин был жив, потому что понимал человеческую боль и ее связь с устройством общества. Его анализ показывал, что можно сделать для изменения общества; он пытался подвигнуть других к своей мечте. Он временами был похож на них, - невыдержанный, дерзкий, трудный. Однако мастер своего дела оставил после себя науку, которая росла и питалась его предвидением.

Сложность и продуктивность Сорокина делают трудной презентацию его трудов. Однако я попытаюсь выделить то, что считаю его наиболее значимыми трудами для XXI века. Это - теория истории, социальные изменения, интегрализм, исследование кризисов и наука общественной реконструкции. Иными словами, "Динамика" и родственные ей работы - фокус моей презентации.

История, социальные изменения и интегрализм

В первых трех томах "Динамики" Сорокин выявил крупные исторические флуктуации в точных науках, искусстве, философии, религии, войнах, революциях, праве и других важных общественных институтах за период более 2500 лет. Для описания этих исторических флуктуаций была использована масса данных. Подобно Конту его поиск теории изменений начинался с изучения порядка.

Человеческие культуры состоят у Сорокина из миллионов индивидов, предметов и событий, связанных воедино бесчисленным множеством всевозможных комбинаций. Но как эти элементы становятся социальными системами? В "Динамике" указаны четыре способа их интеграции. Простейшие формы, пространственная интеграция и ассоциация с постоянным внешним фактором социологически недостаточны. Каузально-функциональная интеграция, сосредоточенная на причинно-следственных взаимосвязях, важна для эмпирического знания. Наиболее важна, однако, логико-смысловая интеграция. Сорокин утверждал, что культурные системы организуются вокруг центральных ценности или принципа, которые придают им порядок и единство. Социолог открывает их с помощью логико-смыслового метода. "Суть этого метода... нахождение центрального принципа (смысла), который пропитывает все составные части (какой-либо культуры), придает смысл и значение каждой из них и таким образом творит космос из хаоса неинтегрированных фрагментов" [6, vol. I, p. 32]. Метод позволяет увидеть культурную целостность так, как тренированный должным образом ум видит единство геометрии Евклида или концерта Баха. Так как его метод выходил за пределы понимания причин и следствий, Сорокин ждал сопротивления со стороны эмпирически ориентированных социологов [7].

Используя логико-смысловой анализ истории, Сорокин выделил три типа культуры. Две чистые формы их - идеациональная [ideational] и чувственная [sensate]. Третью - смесь обеих, он называл идеалистичной [idealistic].

"...Каждая имеет свою ментальность; свою систему истины и знания; свои философию и мировоззрение; свой тип религии; ...систему добра и зла; ...формы искусства и литературы ...законы и коды поведения; [у каждой есть] своя доминирующая форма социальных связей, ...экономическая и политическая организация; наконец, собственный тип человеческой личности с особыми ментальностью и поведением" [6, vol. I, p. 67].

Самая важная логико-смысловая характеристика культурных типов — эпистемологический принцип, благодаря которому группа организует реальность, затем формирует свои институты и создает свою единую по характеру культуру. В идеациональных культурах конечная реальность проистекает из нематериального вечного бытия. Первейшими потребностями и целями индивидов являются духовные. Они реализуются через над-чувственные (интуитивные) способности. Есть два под-класса идеациональной ментальности: аскетический идеационализм и активный идеационализм. Аскетическая форма ищет духовные цели путем отделения от мира и отстранения от плоти. В крайних формах индивид полностью теряет "себя" в поиске единства с Божеством или высшей ценностью. Активный идеационализм пробует реформировать мир согласно духовным качествам, вытекающим из его ценностей. Носители его стремятся обратить других в свое видение Бога и высшей реальности.

Чувственные культуры считают высшую реальность доступной нашим чувствам. Над-чувственное не существует, и агностицизм пронизывает культуру. Человеческие потребности являются физическими и удовлетворяются через освоение окружающей среды. Чувственное - противоположно идеациональному и принимает три формы. Активно чувственная, которая удовлетворяет потребности, изменяя физический и культурный мир. Великие ученые и техники - исторические примеры такой ментальности в действии. Пассивная чувственная ментальность - близорукая форма, удовлетворяющая потребности путем паразитического использования физического и культурного мира. Мир существует лишь для удовлетворения потребностей, поэтому - ешь пей и

веселись. Еще менее дисциплинирована циклическая чувствительность, лишенная выраженных ценностей и следующая любому инструментальному способу получения удовлетворения.

Сорокин предпочитал идеациональные культуры чувственным. Однако многие типы культур оказываются между этими полюсами. Самой важной была истинная идеалистическая культура, при которой потребности людей были и духовными и материальными при доминировании первых. Жизненная сила этой культурной формы проистекала из ее многомерной концепции реальности. Познанный мир был тем, который проистекал из разумного взаимодействия духовной и эмпирической истин.

Сорокин изучил историю цивилизаций Греции, Рима, Запада и в не меньшей мере - Ближнего Востока, Индии, Китая и Японии в поисках примеров этих культурных типов, а затем описал крупные перемены в их системах истины и других важных социальных институтах. Отсюда он заключил, что культуры проходят идеациональный, идеалистический и чувственный периоды, разделенные переходным временем кризисов. Последние 2500 лет западная культура следовала этому ритму, пройдя дважды такую очередность и в настоящее время находясь в фазе упадка третьей чувственной эпохи.

Сорокин описал процесс этих перемен как результат действия двух сил: Принципа Пределов и Имманентного Детерминизма. Общественные системы, подобно биологическим, меняются в соответствии с присущими им потенциями. Отсюда Имманентным Детерминизмом Сорокин утверждал, что внутренняя организация общественной системы создает собственную способность к переменам. Однако общественные системы имеют предел. Например, становясь все более чувственными, двигаясь к пределам цикла, они доходят до границ роста. Диалектически появляются и по мере поляризации системы усиливаются идеациональные контр-тенденции. Они начинают уводить культуру от идеалистической формы. Перемены диссонансом отзываются по всей культуре. Идет рост насилия по мере обретения системой новой конфигурации.

Далее Сорокин описывает ход этих перемен. Его исторический анализ показал, что идеациональные культуры основаны на интуитивной истине; чувственные - на власти чувств, а идеалистические культуры - на истинах разума. Ни один из этих принципов, ни одна соответствующая им культура не дают абсолютной истины. Однако они содержат необходимые элементы адаптации человека к физическому, общественному и космическому [в английском языке одно из значений слова "космос" (*cosmos*) — упорядоченная система, - прим. переводчика] окружению. Системы истины меняются, так как каждый тип знания имеет сильные и слабые стороны. Господство одной выталкивает другие и воспрещает холистическое понимание мира. Чем дольше доминирует определенная ментальность, тем больше накапливается аномалий. Люди во все большей мере сознают, что их система истины слишком узка для объяснения важных аспектов жизни; ее власть и полезность все больше ставятся под сомнение. Вскоре требуются уже иные средства овладения теми аспектами культуры и космоса, с которыми доминирующая ментальность обходится неудовлетворительно. К несчастью, супер-ритмы идеационального, идеалистического и чувственного могут продолжаться вечно, не приближая человека к конечной истине.

Сорокин разрешал этот бесконечный цикл установлением системы Интегральной истины. Эта форма знания соединяла в себе эмпирическую правду чувств, рациональную правду разума и над-рациональную истину веры [8, р. 763]. В результате интегральная истина дает более полное и значимое понимание реальности. Сорокин утверждает: "Тысячелетиями многие эмпирически однородные явления природы лежали перед "глазами и ушами" органов чувств, и, однако, они не были поняты. Когда же их "открывали", то только благодаря содействию других источников познания, логики и интуиции. Как только эти элементарные истины поняты, выясняется, насколько ограниченным, бедным, некогерентным и узким было бы наше знание, если бы оно свелось только к чисто чувственному познанию... Таким же образом, лишь диалектические спекуляции,... или интуиция заводят нас в тупик, будучи изолированы

от других источников и систем истины или не проверены ими, нежели объединенными воедино с другими. Отсюда большая адекватность Интегральной системы истины..." [8, p. 763-764].

В Интегральной философии Сорокин сводит воедино религиозные, научные и рациональные аспекты социологии и личного опыта. Культуры меняются вследствие необходимости более адекватного знания, чтобы справляться с серьезными требованиями жизни. Чувственное знание дает науку, технику и физический комфорт, но мало говорит нам о духе. Истины веры обращены к этим проблемам, но оставляют нас в целом бессильными перед лицом природы. По мере того, как каждый тип культуры стремится дать недостающее, они меняются. Интегрализм, однако, связывает истину науки, разума и интуиции в непостижимое целое. В наших силах получить удовлетворительные рамки постижения жизни, космоса и роли человечества в них [8, p. 746-761].

Исследования кризиса

Сорокин завершил "Динамику" призывом к Интегральному пониманию и предсказанием мрачного будущего западного общества. "Все важные аспекты жизни, организации и культуры западного общества - в глубоком кризисе... Мы, видимо, находимся между двумя эпохами - умирающей чувственной нашего великолепного вчера и грядущей идеациональной или идеалистической культурой творческого завтра. Мы живем, думаем и действуем на исходе блестящего шестисотлетнего чувственного дня... но свет гаснет... Ночь переходного периода встает перед нами с ночными кошмарами, пугающими тенями и душераздирающими ужасами. Но за этим горизонтом, вероятно, людей будущего ждет и приветствует рассвет новой великой культуры" [6, p. 535].

Сорокин видел нас в этом периоде кризиса, видел новые конфликты, революции и войны. Западные ценности и понимание мира нуждались в крупных переменах, чтобы выжить и идти вперед. Поэтому его исследования концентрируются на переходе. Он опубликовал "Кризис нашего времени" (1941), "Человек и общество в беде" (1942), "Забытый фактор войны" (1938), "Причины и факторы войны и мира" (1942) и "Перспективы и условия мира без войн" (1944).

В этих трудах Сорокин утверждал, что трансформации общества были бы менее болезненны, если бы оно признало определенные истины истории. Во-первых, перемены - типичная реакция всякой устаревающей системы, и чувственная культура - лишь один из возможных вариантов. Во-вторых, до того, как от нее отказаться, мы должны институционализировать ценное и отбросить остальное. Среди перемен, которые можно было бы предпринять: усвоение нового более широкого подхода к предназначению человека; переход к более всеобъемлющей эпистемологии; реструктуризация многих институтов общества, переделка общественных связей и организаций в духе новых ценностей. Архетипом этих перемен является Интегрализм: Сорокин отстаивал его как парадигмальную основу грядущего общественного строя. С его помощью можно продуктивно, сотрудничая, достигнуть необходимых перемен.

Мрачная сторона метаморфозы западной цивилизации обсуждена Сорокиным также в "Кризисе", но более полно в книге "Человек и общество в беде" и в трудах Сорокина о войне. "Человек и общество в беде" написана в традиции Мальтуса, сосредоточиваясь на эмоциональных, познавательных, поведенческих и демографических последствиях голода, эпидемий, войн и революций. В сочетании с "Кризисом" в ней всесторонне обсуждены переходные сдвиги. Но главная научная ценность "Человека и общества в беде" - фактически обоснованная, аналитически стройная катастрофическая теория социальных перемен.

Сорокин изучил этиологию катастроф, определил их существенные и побочные причины. Например, существенная причина голода - неспособность произвести, приобрести

или равномерно распределить адекватные ресурсы продуктов питания. Ее действие усугубляется плохой землей, нехваткой воды, вредителями и такими социальными факторами как несовершенные технологии, нашествия врагов, войны или революции. Именно последние феномены в большей степени привлекли его аналитическое внимание. Войны и революции имеют общую этиологию, но действуют в рамках различных социо-политических пространств. Каждая - следствие дезинтеграции общей системы ценностей, интегрирующей общество (революция) или связывающей два или более обществ в мирное единство (война). Эти конфликты интенсифицируются голодом, эпидемиями, совершенствованием военных технологий и ростом национализма. Характерно, что война стимулирует революцию и наоборот.

Стратегии выживания

На основе изучения кризисов и бедствований Сорокин открыл две исторические стратегии их преодоления. Самая типичная и наименее приемлемая - позволить реализацию ими своего заряда несчастий и смерти. Люди все реже рационально и совместно обращаются к сущностным и побочным причинам катастрофических событий и вырабатывают стратегии выживания. Так, хорошо интегрированное общество может создать социо-политическую структуру контроля причин войны и революции. Проанализировав 967 войн между 901 и 1925 гг. и аналогичные исследования революций (они упомянуты в "Динамике") [6, в. 3., pp. 259-508]. Сорокин обнаружил, что разрыв между ценностными системами соперничающих сторон увеличивал жестокость войн и революций, делал их более кровавыми и разрушительными. И наоборот, причины этих бедствий часто устранялись, когда строй основывался на общей системе ценностей, превращая вероятных противников в союзников. Интеграция ценностей обычно с большей вероятностью одерживала верх, если происшедшие перемены вели к принятию сторонами Интегральной системы ценностей и социальной организации.

Ключ - достижение Интегрального общества. Это понятие он применял к обществу, воплощавшему холистичный подход к человечеству, знанию, ценностям и общественной организации. Интегральная эпистемология содействовала более широкому пониманию мира и природы человеческих существ. Три измерения вселенной тела, интеллекта, души и соответствующих способов познания расширяли спектр основ взаимности и понимания. Реальность не просто продукт националистического консенсуса или разовое эпистемное предпочтение. Вместо этого Интегрализм сливает воедино различных представителей человечества в общее множество опыта. В таком мире люди вновь воплощают Божественное и проявления Абсолютного, не являются просто телами, используемыми как средство достижения цели. Расширенная эпистемология помогает видеть и чувствовать сходство себя с другими. Такое осознание способствует более инклюзивным ценностям и двигает нас за пределы прагматического функционализма к поиску сущностных и мудрых целей. В процессе этого, система договорных общественных отношений заменяется более кооперативными формами. Перемены на простых уровнях общественной жизни (диады, триады, первичные и вторичные группы) в дальнейшем преобразуют социальные институты (экономика, политея, образование, религия) и меняют все общество. Сотрудничество, не конфликт - фундамент нового социального порядка. Открытие и институционализация этих новых путей сотрудничества означали бы движение человечества к более мирному и творческому миру.

Труды Сорокина о кризисе соединили общественную миссию с теорией порядка и перемен. Но эти исследования остановились перед способом движения человечества к миру без войн. Итак, какая же стратегия могла способствовать Интегральному обществу? Ответ дан в "Реконструкции человечества" (1948), - этом сорокинском проекте движения в новый век.

Социология социальной реконструкции

Сорокин открывает "Реконструкцию" тремя главами, исследующими часто превозносимые, но, в общем, неэффективные способы создания мира без войны. Тщательно исследовав демократию, образование и религию в качестве возможных решений, он заключает, что все они недостаточны, чтобы привести к новому миру без войн. Кризис современности разрешим через создание Интегрального общества. Путем к нему будет альтруизация человечества. Первым шагом к такой реконструкции является развитие того, что Сорокин назвал Амитологией, то есть концептуальная и прикладная социология мира.

Амитология Сорокина и Гарвардский исследовательский центр креативного альтруизма.

В 1951 г. Сорокин определял Амитологию как прикладную науку, развивающую способность человека к любви, дружбе и сотрудничеству в делах личных и общественных. Ведущие послышки амитологии и Гарвардского исследовательского центра креативного альтруизма - Интегральное и путь к указанным целям через альтруизм. Как сделать человечество более альтруистичным, - такой была задача Центра.

Замысел усилий Центра содержится в исследованиях самого Сорокина и в работах, которые он редактировал, финансировал и поощрял. Вся амитологическая программа изложена в семи книгах, многих статьях, а также трудах других авторов. Эту громоздкую гору материала трудно обобщить. Наиболее очевидны здесь интегративные рамки, которые начинаются от альтруистической подготовки индивида и поднимаются по ступеням социальной сложности от диад к первичным и вторичным группам, сообществам и обществам. Труды, наиболее близкие к этой задаче, следующие: "Пути и сила любви" (*The Ways and Power of Love*), "Формы и техника альтруистического и духовного роста: симпозиум". "Власть и мораль: кто будет охранять хранителей?".

Для Сорокина и его соратников люди делаются альтруистичнее, практикуя любовь в своих социальных отношениях и позволяя сверхсознательному (Душе) все более контролировать интеллект. Системы норм управления этими действиями дают великие мировые религии. В западном христианстве такие нормы восходят к *Десяти заповедям, Блаженствам Нагорной проповеди*. Для Сорокина в них принципы развития характера, более чем библейские предписания.

Он считал, что если общество хочет устранить социальное зло, нужно делать людей лучше. Этот путь обычно не замечают ученые, сосредоточенные на мрачной стороне поведения. Но *Проповедь и Заповеди* давали нормы и ценности, показывающие, как это добиваться. Так, например, как родитель, - человек заботится о детях с пользой для их натуры и развития. Как артист, политик, - человек отказывается исполнять вульгарную халтуру или несправедливые законы. Как ученый, изобретатель, - он трудится на общее благо, а не создает разрушительный арсенал, приближающий ядерное безумие. Как учитель, - человек формирует у студентов ум, стремление к истине и добру, а не воспроизводит бездумных субъектов, чья подготовка видна лишь в слепом применении парадигмы к проблемам, возможно губительным для человечества. Как бизнесмены, работники, механики или клерки, - люди выполняют свои роли, руководимые альтруизмом или эгоизмом, тем самым содействуя социальной или анти-социальной обстановке в обществе. Для Сорокина общество - результат объединенного действия миллионов индивидов. Если каждый из нас не будет исполнять свои функции корыстно, то мир будет лучше. И если бы каждый из нас вел себя альтруистично, мир был бы богаче.

Центр разрабатывал пути развития сострадания, симпатии, любви и соучастия во всех общественных отношениях. Исследовательская программа концентрировалась на пяти уровнях социального действия: подготовка индивидов, первичные группы, вторичные группы, сообщества, страны.

Программа Сорокина основывалась на сравнительной, кросс-культурной перспективе. Хороший пример здесь книга Роджера Годеля о науке и религии Востока и

Запада. Годель утверждает, что все подходы имеют свои сильные стороны. Индусы обращены внутрь, а люди Запада - вовне себя в поиске научного знания и религиозного переживания. С религиозной точки зрения оба подхода оставляют ищущего ждать и тихо молить о ниспослании бога. Для науки оба были отдельными путями, пока ученые на Западе не открыли пределы объективности, исследуя субатомный мир [9, pp. 3-12]. Квантовая физика подтвердила, что каждая перспектива дает часть истины, но они более продуктивны, если их объединить [10, pp. 279-296], Работа Годеля подтверждает интегрализм как теорию человеческой природы и как теорию познания. Чувственные и идеациональные истины переплетаются, образуя более полное понимание природного и возвышенного. Соответственно сочетание опыта разных культурных традиций обогащает и расширяет наше знание.

Религии Запада, как и религии Востока, разработали телесные упражнения, содействующие росту духа. Антони Блум изучал духовные труды православных монахов, а Пьер Маринье - молитвы. Православные монахи связь тела, ума и души крепят смирением, созерцанием и комплексом телесных поз, именуемых Блумом христианской йогой [11, p. 93-108]. Эти синергестические (это слово, видимо, употреблено в смысле доктрины, утверждающей наличие взаимодействия бога и человека во спасение души. - *прим. переводчика*) практики готовят ум и тело к переживанию трансцендентного. Молитва присуща скорее религиозному христианскому опыту: это упражнение и дисциплина, фокусирующая внимание на боге и дающая физические и духовные блага. Соматическими действиями особенно интересовался Маринье, но он также видел в молитве средство морального оздоровления, повышения осознания реальности и намерений Бога. Молитва была трансцендентальным спасением в поиске милости и целостного развития [12, pp. 145-164].

Эти и другие работы учили укрощать плоть, выходить за пределы эго и развивать душу. Такова лишь часть приемов, изучавшихся в Центре и использовавшихся иудейскими, христианскими, мусульманскими и буддистскими искателями путей повышения духовной и альтруистической потенции. Как методы развития характера они мотивировали людей преодолевать эгоизм и быть альтруистами.

Техника альтруизации могла также улучшить более широкий социальный контекст отношений. Так, Марк Томпсон изучал развитие враждебности в студенческих группах. Он показал, что поддержка доброты по отношению к противнику, как правило, преобразует враждебные отношения в благоприятные [13, pp. 401—417]. Натянутые и часто враждебные отношения изучались в психиатрической лечебнице, где в фокусе были пациенты и сестры. Неизбежно присутствующая напряженность в ходе лечения во многом снижалась, когда каждая сторона мысленно училась исполнять роль другой. Со-участие росло, и сестры сменили клиническое бесстрашие на сострадание. Такие же усилия пациентов вели к снижению враждебности и лучше сказывались на лечении. Чем больше это длилось, тем лучше делалось состояние пациентов [14, pp. 387-399]. Названные работы лишь примеры, далеко не исчерпывающие размах трудов Центра и его вклад в эти проблемы. Сам Сорокин расширил и углубил обсуждение этих методик в нескольких книгах, включая "Пути и сила любви".

Два примера исключительно альтруистических сообществ можно найти в исследованиях центра по менонитам и гуттеритам. Менониты были прекрасным выбором, занимая высокие позиции на сорокинской шкале Любви. Масштаб их альтруизма выходил далеко за пределы сообщества - к нациям и миру. Он был интенсивным и чистым, означая, что менониты осуществляли крупные акции помощи, не ожидая вознаграждения. Такое поведение было институционализировано и внедрялось в личность молодых в ходе социализации, когда альтруизм становился стабильным элементом культуры. Убеждения менонитов связывают их, распространяя их альтруизм на всех, кто испытал утраты и страдания. Они содержат больницы, детские приюты, кредитные союзы, дома для престарелых, банки, кооперативы, страховые компании и похоронные бюро в равной мере для менонитов и немнонитов [15, pp. 308-328].

Что заставляет людей совершать такие поступки и как альтруизм институционализируется и передается новым поколениям? Основательно разработан ответ на этот вопрос в статье Эберхарда Арнольда о гуттеритах в Парагвае [16, pp. 294-307]. Как и менониты, они - прямые потомки швейцарских анабаптистов и учат молодых, что их время и ресурсы должны использоваться в божьем труде. Роли взрослых демонстрируют модели безэгоистичного поведения, личной ответственности, кооперации и христианской любви, подкрепляются старшими детьми, которые также отвечают за младших членов семей. Старшие группы никого не отвергают, обеспечивая нормативные референтные точки и санкционируя поведение. Но они всегда оставляют открытыми пути, по которым непокорные могут вернуться к полному членству. Семья, однако, важнейший агент социализации. Там дети учатся всем необходимым жизненным навыкам. Старшие подростки покидают сообщество, получают образование, иной опыт, расширяющий горизонты их развития. После этого каждый свободен решать, возвращаться ли в сообщество. Большинство возвращаются и занимают ролевые позиции как образцы следующему поколению.

Альтруистичные трансформации в сложных обществах

Далее Сорокин ставил вопрос возможности институционализации альтруизма на высших уровнях социо-культурной интеграции. В книге "Власть и мораль: кто будет охранять хранителей?" он и У. Ланден исследуют преграды на пути стран к большей гуманизации и альтруизации. Ответом на вызовы времени авторы считают правительство ученых, мудрецов и святых. Сорокин и Ланден утверждали, что традиционные политики уходят в прошлое, так как техническая сложность сегодняшнего мира требует больших интеллектуальных навыков, чем это им обычно присуще. В конце-концов политиков заменят ученые. Но приведет ли это к улучшению управления или просто заменит одну олигархию другой? Имеющиеся данные позволяют утверждать, что сдвиг в сторону научной элиты сам по себе не улучшит имеющуюся ситуацию.

Хотя ученые лучше подготовлены, у них нет умудренности мудрецов. Обществу нужны пансофы (от англ. *pansophy* - универсальное знание - прим. переводчика) - интеллектуалы, способные интегрировать научное понимание в более широкие уровни моральных принципов переустройства и прогресса общества [17, p. 169]. Пансоф может обеспечить этическое лидерство, необходимое для замены морального релятивизма комплексом кросс-культурно применимых моральных норм. Для полноты эта моральная трансформация также требует участия лидеров мировых религий и знаменитых альтруистов. Но эти лидеры должны быть более экуменическими, чем в прошлом, и стимулировать моральное образование, нужное населению планеты.

Ясно, что великие религиозные лидеры меняли пути истории. Потребность в новом устройстве международной морали требует от сегодняшних религиозных лидеров подняться до образцов исторических свершений прошлого (17, pp. 175-189).

Хранители хранителей таким образом - это моральные лидеры нового глобального сообщества. В процессе своей деятельности они трансформируют чувственное управление в Интегральную форму. Если такое руководство обеспечит несколько десятилетий мира, тогда самая опасная часть уходящего чувственного "транзита" минует, возникнет солидный фундамент складывающегося Интегрального строя. Это требует, чтобы новая элита как можно быстрее брала на себя большую степень контроля и трудилась над созданием контуров новой Интегральной цивилизации (17, pp. 184-193).

Путь, по которому не пошли

Интегрализм - теория познания, теория человеческой природы и рамки понимания истории, социальных перемен западного общества. Это ориентированная на кризис модель, которая подводит нас к краю цивилизационных перемен и дает образец для развития характера и социальной реконструкции. Как парадигма она обрамляет сферу

дискурса, создает онтологический и эпистемологический консенсус вокруг природы общественной реальности и знания, указывает гибкие границы занятий социологией и акцентирует применение знания к практическим проблемам бытия.

Кризис модерна, будивший интерес Сорокина к развитию характера и улучшению общества, все еще осязаем, и многие, наверное, стали бы утверждать, что он обостряется. Страны рушатся, революции - повсеместно, насилие - повсюду. И в обстановке этого созревшего вызова социология, видимо, парализована кризисом, подорвавшим ее теоретическую силу и опустошившим жизненность ее как дисциплины, ориентированной на действие и пророчество. Многие видные современные социологи справедливо выражают озабоченность, что дела весьма плохи [18]. Они утверждают, что социология сейчас более идеологична, что теория все больше отдалается от реальных событий в обществе, что рост числа подрубрик подрывает интеллектуальное ядро дисциплины, что отсутствие в ней когерентности ослабило возможности преподавания социологии и сделало социологические факультеты излюбленной мишенью для сокращений, слияний и ликвидаций, что утрата важных областей знания (демография, криминология, урбанистика) подорвала нашу претензию на право быть сообществом практиков-ученых, решающих прикладные проблемы, и что социологический субъективизм (созерцание пупка) все больше вытесняет объективное изучение общества.

Во времена, подобные этим, Интегрализм бросает вызов социологии - обнаружить заново свое ядро. Как корпус социологической мысли он содержит исторически обоснованную теорию социальных перемен, интегративную теорию познания, из которой легко возникает методологическая база, и ориентацию на решение проблем.' В этом плане он - классическая социологическая теория, одновременно обращенная к номотетическому пониманию, методологически строгая, соединяющая интуитивную, рациональную и эмпирическую теории познания и сосредоточенная на решении проблем общества. Это философия времени, требующая думать более комплексными и мощными моделями. Интегральный фундамент, созданный Сорокиным, предназначался для решения проблем классической теории и в ходе движения к нему для многомерного понимания общества, позволяющего осуществлять программы социального совершенствования. Эта система, как показано выше, когерентна и организована. Она дает обещающее теоретическое и практическое руководство для восстановления социологии и облегчения социальных проблем общества [19]. Интересно, что в такое время - это путь, по которому не пошли?! Но сопротивление, кажется, в большей мере - продукт снижения академической культуры социологов, нежели рациональный выбор способа конструировать интегративную, ориентированную на решение проблем и эмпирически верифицируемую теорию общества. Почему так случилось, может быть, связано меньше с природой Интегрализма, чем со сферой предвзятостей и организации академической социологии. Но это тема другого разговора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kolb W. Review of Social Philosophies of an Age of Crisis // *American Sociological Review*. 1951. Vol. 16. Pp. 267-268.
2. Martindale D. Pitirim Sorokin: A Soldier of Fortune / Sorokin and Sociology. (Eds. C.C. Hallen, R. Prasad). Agra, India. 1972.
3. Nichols L. International Solidarity In the Creation of Science: The Ross-Sorokin Correspondence, 1921-1931 // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 1996. Vol. 32. Pp. 135-250.
4. Allen A. (ed.) Pitirim Sorokin in Review. Durham. N.C. 1963; Tiryakian E. (ed.) *Sociological Theory Values, and Sociocultural Change*. New York, 1963.
5. Johnston B. Pitirim Sorokin and the American Sociological Association // *Journal of the Behavioral Sciences*. 1987. Vol. 23. Pp. 103-122; Johnston B. *Pitirim Sorokin: An Intellectual Biography*. Lawrence, KS, 1995.
6. Sorokin P. *Social and Cultural Dynamics*. 3 vols. New York, 1937.
7. Sorokin P. Rejoinder // *American Sociological Review*, 1937. Vol. 2. Pp. 823-825.
8. Sorokin P. *Social and Cultural Dynamics*. Vol. 4. New York, 1941.

9. *Godel R.* The Contemporary Sciences and the Liberative Experiences of Yoga / (*Pitirim Sorokin, Ed.*) Forms and Techniques of Altruistic Love and Spiritual Growth: A Symposium. Boston. 1954.
10. *Sorokin P.* Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences. Chicago. 1956.
11. *Bloom A.* Yoga and Christian Spiritual Techniques: Somatopsychic Techniques in Orthodox Christianity / Forms and Techniques of Altruistic Love...
12. *Marinier P.* Reflections on Prayer: Its Causes and Psychological Effects / Forms and Techniques of Altruistic Love...
13. *Thompson M.* Experimentation with Forms of Good Deeds in Transformation of Inimical Into Amicable Relationships / Forms and Techniques of Altruistic Love...
14. *Hyde R., Kandler H.* Altruism in Psychiatric Nursing / Forms and Techniques of Altruistic Love...
15. *Krahn C., Fretz W., Kreider R.* Altruism in Mennonite Life / Forms and Techniques of Altruistic Love...
16. *Arnold E.* Education for Altruism In the Society of Brothers in Paraguay / Forms and Techniques of Altruistic Love...
17. *Sorokin P., Lunden W.* Power and Morality: Who Shall Guard the Guardians? Boston, 1959.
18. *Levine D.* Visions the Sociological Tradition. Chicago. 1995; *Lemert C.* Sociology After the Crisis. Boulder. 1995; *Horowitz I.* Decomposition of Sociology. New York. 1993; *Turner S.P., Turner J. H.* The Impossible Science: An Institutional Analysis of American Sociology. Newbury Park. CA. 1990; *Collins R.* The Organizational Politics of the ASA // The American Sociologist. 1990. Winter. Pp. 311-315; *Wrong D.* The Present Condition of American Sociology: A Review Article // Contemporary Studies in Society and History. 1993 vol. 35 (1). Pp. 183-196; *Bell W.* The Sociology of the Future and the Future of Sociology // Sociological Perspectives. 1996 v. 39 (1). P. 39-57.
19. *Johnston B.* Pitirim A. Sorokin: On the Practice of Sociology. Chicago, 1998.